

**Раздел V
ИНФОРМАЦИЯ**

Part V. INFORMATION

**СТЕНОГРАММА ВЕБИНАРА
«ТЕНДЕНЦИИ В ПЕДАГОГИКЕ»
(15 МАЯ 2014 ГОДА)**

**Вебинар проходил под руководством академика,
доктора педагогических наук, профессора Я. С. Турбовского**

Участники:

академик РАО Яков Семёнович Турбовской;
д-р филос. наук, профессор Олег Владимирович Долженко;
д-р пед. наук, профессор, действительный член РАО
Евгений Викторович Ткаченко;
д-р психол. наук, профессор Любовь Алексеевна Григорович;
Анатолий Александрович Гин;
д-р пед. наук, профессор Ирина Михайловна Осмоловская;
канд. пед. наук Оксана Игоревна Долгая;
канд. филос. наук Анна Анатольевна Изгарская.

Я. С. Турбовской. На правах ведущего я хотел бы зачитать очень любопытный документ. В марте 2000 г. в статье, посвященной проблеме тенденций развития педагогической науки, я писал: «Каким бы риторическим смыслом не нагружались слова “двадцатый первый век”, “второе тысячелетие”», которые мы, как правило, с пафосом произносим, произойдет только то, что произошло бы за другой такой же отрезок времени, каким бы неприметным или чем бы примечательным он ни был». В ближайшем будущем реализуется то, что уже существует в настоящем, и это в равной степени касается всех секторов жизни, включая, естественно, и педагогическую науку. Поэтому, если пытаться прогнозировать ближайшие перспективы ее развития (прошу учесть, что это был двухтысячный год), можно сказать: с ней может произойти то и только то,

что потенциально заложено в исследовательские планы и проекты, реализация которых предусмотрена в конкретные календарные сроки, что есть сегодня в выдвинутых и сформулированных идеях, опубликованных или подготовленных к публикации теоретических концепциях, в проектах грядущих реформ, зафиксированных в критических суждениях, отражающих современное состояние отечественного образования. И, развивая свою мысль, скажу: я сформулировал те тенденции, которые тогда не только сказывались на отечественной педагогике, но и те знания, которые могли быть целенаправленно использованы для развития ее научного потенциала. Судьба этих идей оказалась такой же, как и многого другого, что отстаивалось педагогической мыслью. И вот прошло тринадцать лет, но мы снова вынуждены обращаться к данной проблеме, понимая, насколько зависит развитие педагогической науки от решения этой фундаментальной проблемы. И очень бы хотелось, чтобы наши идеи и предложения оказались настолько способны системно раскрыть преобразующую значимость проблемы тенденций развития педагогической науки, что смогли реально повлиять на развитие отечественного образования. Таким образом, я возлагаю серьезные надежды на наше обсуждение. Сейчас я предоставляю слово человеку, который, будучи фундаментальным философом, в силу своих профессиональных интересов много лет занимался проблемами образования, в частности проблемами высшего образования, – Олегу Владимировичу Долженко. Пожалуйста, Олег Владимирович.

О. В. Долженко. Когда мы говорим о судьбах педагогики, мы говорим о том мире, в котором педагогика реализуется. Мне кажется, что сегодня наступает период, когда неочевидными оказываются ответы на самые простые вопросы. Что происходит с наукой? Не изжила ли классическая наука свой потенциал? Второе: что происходит в образовании? Чем вызван кризис, который протекает в образовательной системе уже на протяжении нескольких десятков лет? И почему в мире никто не имеет рецептов, как его преодолеть? Возможно, что сегодняшняя педагогика сформировалась под влиянием тех тенденций, которые определяют жизнь обществ. Я бы сказал, что отличительной особенностью этого процесса является переход от культурной, культуросообразной модели образования к модели цивилизационного развития. Вот здесь следует сразу же определить, что мы понимаем под культурой, что мы понимаем под цивилизацией и почему цивилизация обрекает человека на стагнацию? Возможно, мы сегодня имеем дело с кризисом образования, именно мы не отдаем себе в полной мере отчета о том, что имеем дело с глобальным кризисом цивилизации. Каждый этнос, каждая культура переживает это по-своему, в определенных, так сказать, показателях, определенных формах. Что касается России, то мне кажется, основной ошиб-

кой современных так называемых реформаторов, было то, что они считали приоритетным построение рыночной экономики, предполагая, что образованием можно заняться после. Это в корне порочная позиция. Сегодня темпы развития так высоки, что только через образование можно проектировать будущее. Что касается педагогики, то здесь я отметил бы такую особенность. Традиционно педагогика понимается как наука об обучении и воспитании. Сегодня мы переходим к другой модели, модели, которую я называю социолкультурной и появление которой знаменует переход к новому типу образования и новой биологической эре развития человека – антропоцен. С этой точки зрения мне представляется, что педагогика должна переориентироваться на вызовы из будущего, а эти вызовы очень существенны, и главное, что за ними стоят очень большие риски и угрозы, которые мы в полной мере не учитываем. То, что происходит в нашей системе образования, я определил бы одним словом – деградация, обусловленная в большей степени невежеством тех, кто возглавляет систему образования и государства. Я долгое время работал с Вячеславом Петровичем Елютиным и могу сказать, что этот человек на протяжении многих лет сформировался как профессионал в области образования. А все эти последние министры, особенно Ливанов ... У меня возникают большие сомнения в том, что они понимают, чем занимаются. Это реакция на ситуацию, сложившуюся в этом государстве, декларирующем роль менеджера, но не профессионала. Таким образом, своеобразие современного образования в настоящий период заключается в том, что мы переходим от обучения и воспитания к образованию. Здесь возникает вопрос об образовании опежающего развития общества, исходя из его состояния. Перед педагогами ставится интересная задача: оценить, что происходит с обществом, пережившим антропологическую катастрофу? У меня есть подозрения, что члены общества, перенесшего антропологическую катастрофу в условиях тоталитарной системы, после того, как снимаются ограничивающие путы, откатываются назад, в ту точку, где они были способны самоопределяться и принимать ответственные решения. Вот это мне кажется очень интересным и важным. Необходимо проанализировать, насколько эффективно система образования России после известных событий создавала предпосылки в образовании для появления человека, способного самоопределяться. Задача образования – сформировать человека, способного реагировать на вызовы, идущие из будущего. Очевидно, что здесь нам похвастаться нечем. Среди школьников примерно из сорока стран российские школьники заняли двадцать шестое место. Мы не способны самоопределяться, и отсюда тенденция найти того, кто примет за тебя решение и будет ответственным за твой, точнее, навязанный тебе выбор. Поэтому необходимо ориентироваться не на построение педагоги-

ки, основанной на классических моделях науки, а на модель, способную учитывать риски будущего, в частности те, что несут современные информационные технологии. Важными станут ответы на вопросы: кто мы, на каком этапе развития находится социум и на что в связи с этим мы можем рассчитывать? Структурно педагогике необходимо ориентироваться на узловые точки, влияющие на становление интегрального интеллекта человека. Спасибо, коллеги.

Я. С. Турбовской. Коллеги, у вас есть вопросы к Олегу Владимировичу? Олег Владимирович, у меня есть вопросы. Меня как старого педагога волнует мысль, высказанная Вами, о том, что нужно учитывать риски, нужно создать новую концепцию. К кому это Вы обращаетесь? Кто это должен сделать? Назовите субъекта деятельности, а то это так и останется декларацией.

О. В. Долженко. Вообще-то в нормальных условиях эта задача решается педагогической общественностью и государством, способным его финансировать, но в современных условиях, я считаю, надо брать ответственность на себя и начинать с малого, хотя бы с создания сайта, на котором были бы прописаны попытки решений, прорабатываемые в разных странах.

Я. С. Турбовской. А на какой базе следует создать сайт?

О. В. Долженко. Да хотя бы на базе института можно создать такой сайт. Можно, конечно, обратиться в министерство, но я сомневаюсь, что из этого получится какой-то толк. Нужно брать инициативу в свои руки, если мы несем ответственность за тех, кого мы воспитываем.

Я. С. Турбовской. Спасибо, Олег Владимирович. Теперь я предоставляю слово активному участнику нашего семинара Евгению Викторовичу Ткаченко. Вижу, что он машет мне рукой, чтобы я не называл его титулов.

Е. В. Ткаченко. Спасибо, Яков Семёнович. Вначале я хотел бы сказать спасибо Олегу Владимировичу, я с удовольствием выслушал Вас, не совсем согласен, но выделил для себя три очень важные точки опоры для дальнейшей нашей беседы. Вы хорошо сказали, что нами управляют менеджеры, но не профессионалы, управление не то, и сослались на пример Елютина. Я счастлив, потому что Елютин Вячеслав Петрович назначал меня ректором, и я полностью с Вами согласен в высокой оценке его профессионализма. Сегодня ситуация такова, что одиночки не формируют решений. Для того чтобы сегодня чего-то добиться, необходимо влиять консолидированным мнением сообществ, притом лучше всего, чтобы это были не государственные, а общественные сообщества. Государственные чаще всего проплачены, значит, выполняют чьи-то указания, а общественные сообщества они неподсудны никому, мы работаем от души, как говорится. Но я остановлюсь все-таки на том, что наше педагогическое сообщество инертно и молчаливо. Чтобы вы не поняли, что

это просто слова, привожу конкретные примеры. 2006 г., готовится государственный Совет по педагогическому образованию в Москве, тогда его вел В. В. Путин. Я был в комиссии по подготовке этого решения, и мы в эти материалы включили фразу, что «педагогические вузы России готовят вчерашнего педагога для завтрашнего дня», и она прошла в решении Госсовета. Я думал, что наступит обвал. Обвал наступил в противоположном плане. Не отреагировали ни вузы, ни руководители вузов, ни даже методические объединения России. Все отмолчались. Проглотили, с моей точки зрения, страшную правду, не могло все наше педагогическое сообщество готовить вчерашнего учителя для завтрашнего дня. Такое тоже было, но не это было лицом нашего образования. 2008 г. Министерству же что-то надо делать, Госсовет-то решил. Министерство, как вы помните, предлагает нашему педагогическому сообществу разделить педвузы на три части: часть первая – 80% идет на работу по специальности, оставляем педвузами, процентов на 50 эти вузы работают для социальной сферы, если меньше, то присоединять их к университетам. Проходит еще два года, правда, здесь обсуждение кое-какое пошло, но в рамках инертных государственных организаций. Повторяю, все государственные структуры либо проплачены, либо являются исполнителями чьей-то воли, поэтому я всегда призываю к общественно-государственному управлению либо вообще к мнению общественности, к организованной общественности, конечно, к мнению профессионалов. Приведу пример, Академия профобразования – типичная общественная структура, нас не так много, всего 100–200 человек, но мы активно участвовали в борьбе против многих версий закона, по всем восьми версиям закона у нас были консолидированные заключения, проводились Всероссийские конференции, всевозможные семинары, вебинары и т. д.. Мы вместе с другими организациями смогли повлиять на закон, посмотрите, девятая версия закона неузнаваема, если сравнить ее с первой. Мы изменили само понятие образования, а ведь в первой версии образование было услугой экономики, ведь не просто так это записано было, образование стало общественным благом. Ввели специалитет и трехуровневое высшее образование, социальную защиту учителя, среднюю заработную плату по региону. Очень многое было изменено под влиянием, я повторяю, общественных структур, которые уже влияли на тех, кто принимает решения. Третий этап. 2010 г. Вы помните, «Наша новая инициатива», тогда ее подписал Д. А. Медведев, «Наша новая школа», правильно? Он вбросил эту идею на обсуждение и в феврале уже подписал. Но опять инициатива не получила яркого обсуждения. Противовеса не было, в результате там была такая фраза: «Педагогические вузы должны быть преобразованы в образовательные центры или прикреплены к университетам в качестве факультетов». Вот ведь что было. Привожу еще более

конкретный пример. Март 2010 г. В Нижнем Новгороде выездное заседание президиума РАО по этому вопросу. В зале сидят руководители педагогических вузов России, заведующие кафедрами педагогики. И. И. Калина выступает с этой идеей от имени министерства образования. Он говорит о том, что «Наша новая инициатива» – это аксиома, мы требуем ее аксиоматического выполнения. И что вы думаете, зал сидит, молчит. Я выступаю, говорю, что по многим позициям там много хорошего было, но, извините, как может педагогическое сообщество согласиться с фактическим направлением на уничтожение педагогического образования, на преобразование в непонятно какие центры или факультеты университетов. Я сам более двадцати лет проработал в университете, из которого никогда не могли послать в школу даже выпускников, даже когда мы ввели педагогическую группу с первого по пятый курс, доходили до пятого курса и дальше рев... Само педагогическое высшее образование не настроено на то, чтобы выпускники шли в школу, но это отдельный вопрос. И зал отмолчался, педагогическое сообщество опять молчало. Пришли к тому, что сами заслужили. Ну и теперь мы видим последствия этого, в то время, когда все начиналось, у нас было 100 педагогических вузов, а в прошлом году на заседании президиума РАО докладывают, что осталось 43 педагогических вуза, из которых 30 неэффективные. А теперь давайте посмотрим, кто определяет эту эффективность/неэффективность. Даже говорить стыдно, что менеджеры, чиновники навязали наличие иностранных студентов, цитируемость, Web of science. Это поражает, оказывается, надо работать на иностранцев, не на нас. Фактическое перенесение западной системы образования на нашу российскую действительность, кроме вреда, ничего не приносит. Кто может провести подобный анализ? Подобный анализ могут провести только общественные профессиональные специализированные структуры. Вот и сейчас закон принят – деваться некуда, надо выполнять, но его надо и исправлять! Но исправлять профессионально. Вот недавно, 29 числа у нас было общее собрание РАО, я был председателем комиссии по решениям. Ряд вопросов мы до сих пор обсуждаем, в частности наше подразделение вносит такое предложение на рассмотрение: подготовка рабочих кадров у нас в Законе переведена теперь в статус среднего профобразования (якобы повышен статус, на самом деле все будет иметь противоположный эффект) по коротким программам, и многие на это идут. Здесь есть положительный момент: мобильная переподготовка кадров. Однако есть и недостаток: это великолепно для спортсменов, военных, пожилых людей, но не для молодежи. Так как, если молодежь будет получать по этой схеме первую профессию, образованной она не будет, среднего образования не будет, они будут получать только примитивные знания. Мы сформируем таким образом в обществе целый слой малообразован-

ной и малоспециализированной молодежи. Это приведет к люмпенизации страны, причем в системной форме, на базе этого Закона. Что вы думаете? Мы предложили нормальное решение: вводить продолжительность программы обучения в зависимости от сложности профессии, поскольку есть рабочие профессии, где и трех лет подготовки мало. Вся оборонка теперь воет от отсутствия рабочих, потому что рабочих готовим по трехмесячной программе. Такой ответ мы получили от одного из наших юристов (не буду называть фамилии): «Я попрошу уважаемых академиков ознакомиться с Законом и не выходить за его рамки, не предлагать того, чего нет в Законе». Этот юрист абсолютно непрофессионален в этих вопросах. А кто должен делать? Мы должны предлагать! Нас должны слушать, а не наоборот. Вот реальная ситуация, в которой мы находимся. Поэтому повторю еще раз: необходимо объединение усилий профессионалов-общественников. Этот механизм работает, приведу конкретные примеры. Вот когда мы стали протестовать против второй, третьей, пятой версии Закона, обратились в Государственную Думу и Совет Федераций, в комитет по образованию, конкретно к профессору Чеченову. И там есть много специалистов по вопросам образования, которые поддерживали нас и которые могут доносить идеи и влиять на политику министерства. Сегодня там сложилась критическая масса понимающих свое дело людей. Государственная Дума слышит общественные организации, они имеют вес, но это должны быть консолидированные заключения непроплаченных специалистов. Это очень важный момент. Например, наш семинар представляет несколько регионов, случайных специалистов здесь нет, и вполне может являться таким механизмом формирования консолидированной оценки многих направлений развития образования.

Я. С. Турбовской. Евгений Викторович, из Вашего выступления, наполненного очень серьезными, яркими, конкретными примерами, явствует одно удивительное извлечение, или я ошибаюсь? Я понял, что роли педагогической науки в развитии образования и нашего общества никакой нет. Из Вашего выступления очевидно, что системная роль педагогической науки здесь никак не просматривается.

Е. В. Ткаченко. А я скажу, слишком много молчим, инертны.

Я. С. Турбовской. Относительно молчания должен заметить, что в том зале, где Вы бываете, собраны специальные люди, Евгений Викторович. Туда же не приглашают оппонентов.

Е. В. Ткаченко. Нет. Туда приглашают неоппонентов.

Я. С. Турбовской. Евгений Викторович, я просто хочу подчеркнуть, что никто не хочет слышать. Приглашают удобных людей, соглашающихся, но никто не приглашает людей для диалога, никому диалог не нужен.

Е. В. Ткаченко. Яков Семёнович, у нас, вообще говоря, с моей точки зрения, сегодня идет военизация управления образованием, включая педагогическое. Причем найдена любопытная формула: где-то сокращают финансирование и штаты, а где-то наоборот (например, в Москве) совершенно другая формула управления: преподавателям платят сегодня уже прилично, директора нефедеральных высших учреждений получают от 60 до 100 тыс. руб., а директора средних школ – до 500 тысяч. И так, получается, казалось бы, всплеск идеологии? Нет, это плата за молчание. Управляемцам это очень удобно. Теперь эти ребята молчат.

Я. С. Турбовской. Евгений Викторович, может быть, дело здесь не в том, что нас кто-то слышит или не слышит, а в самой педагогической науке, которая несостоятельна. Это другое дело. Важно понять, состоятельна ли наука?

Е. В. Ткаченко. А несостоятельна она вот почему. Вопрос ведь в том, как идет управление? Например, я выступаю против того, что примерно лет пять назад был девиз, высказанный нашим руководством: «От конкурентоспособности специалиста – к конкурентоспособности государства». Было такое? Было. Я считаю, что неизвестно, приносит этот девиз больше пользы или вреда. Потому что у нас такую конкурентоспособность устроили ребята, не имеющие генной духовной культуры, что мы под этим девизом сформировали слой собственников, коррупционеров, воров и кого угодно, а без нравственной составляющей у нас никогда не будет своих Третьяковых, Татищевых, Демидовых, которые красу страны создавали.

Я. С. Турбовской. Давайте слышать друг друга. Проблема не в том, что мы ищем виновных, а в том, чтобы мы понимали, за что отвечает педагогика как наука, в чем несостоятельность педагогической науки.

Е. В. Ткаченко. Яков Семёнович, я указал, куда, от чьего имени обращаться. В Государственной Думе, в комитете по образованию в феврале ставился вопрос о развитии педагогического образования в России. Через месяц после этого в РАО ставится этот же вопрос. Вот сегодня 15 мая. 21 мая в отделении профобразования будет слушаться вопрос о концепции развития педагогического образования в России, то есть мы выходим на организационные формы заслушивания данного вопроса для последующего принятия решения о направлении развития. Вот единственный способ влияния на принятие решений.

Я. С. Турбовской. Евгений Викторович, я наверно неточно формулирую свой вопрос. А вопрос заключается в следующем: имеет ли наша педагогическая наука нишу, где она могла бы быть самостоятельной и авторитетной, неприкосновенной и обязательной? Мы не можем добиться главного: чтобы мы были нужны государству. Тот же самый Калина, выступая в Совете Федераций, где критиковали ЕГЭ, говорил: «Да, это пло-

хо, но что-то же надо делать». Наука ничего не предлагает. Проблема состоит в том, какие тенденции сегодня? С вашей точки зрения, основной тенденцией является пассивность науки, которая мало что делает, и то, что необходимо находить общественные формы организации и мысли, чтобы она могла отстаивать себя в общественном и государственном сознании. Правильно я понимаю?

Е. В. Ткаченко. Правильно. Более того, я должен сказать....

Я. С. Турбовской. А РАО тогда что это такое?!!

Е. В. Ткаченко. Тише. Сейчас скажу, сейчас скажу. Возвращаемся в 1996 г. Назначается новый министр, я ухожу, он меня приглашает работать, вести школу и педобразование. Я ему говорю «нет». Почему? Потому что у нас разные взгляды на образование. Почему у нас разные взгляды? Потому что Вы считаете, что нам не нужно педобразование, что можно в школу направить любого типа преподавателя. Какого преподавателя? Из университета или из технического вуза. И сейчас это же происходит. И я отношусь со всем уважением к президенту нашей Академии, но 23 апреля она пишет, что педагогические вузы себя не оправдали и их надо присоединять к российским университетам. Прошло 17 лет, мы находимся во все той же стадии, когда надо защищать педобразование.

Я. С. Турбовской. Совершенно верно. Значит, наука не имеет аргументов, не имеет доказательств, которые принимались бы в обязательном порядке. Психологам, по крайней мере, удалось в целом ряде обстоятельств доказать, пропиариться, что психологи необходимы, а педагоги, которые стоят на бугре, продуваемом ветрами, оказывается, ничего не стоят.

Е. В. Ткаченко. Я с Вами согласен. Только почему-то сегодня в школах сокращают именно психологов.

Я. С. Турбовской. Я хочу сказать, что все наши министры/неминистры не с Луны же упали, они тоже из нашей системы образования: нынешний министр работал ректором института. Откуда же они берутся?

Е. В. Ткаченко. Сложность в том, что в нашей образовательной среде нет единства мнений. И поэтому нами управляют, как хотят. Вот о чем речь.

Я. С. Турбовской. Хорошо, давайте продолжим дискуссию и предложим присоединиться к ней наших коллег. Кто-нибудь хочет взять слово? Гин Анатолий Александрович? Пожалуйста, Анатолий Александрович.

А. А. Гин. Здравствуйте. Я хочу назвать основные тенденции, присущие нашему педагогическому образованию. Тенденция первая – дивергенция. И здесь мы должны понимать, что школа – это лишь один из элементов образовательного пространства, причем не самый эффективный, не самый влиятельный. Так, например, телевидение на сегодняшний момент формирует систему ценностей в значительно большей сте-

пени, чем школа. Чтобы понять, кого современные школьники считают героями и т. д., можно просто неофициально опросить их. Сегодня педагогическое сообщество не в достаточной мере это осознало, потому что основной массив работ посвящен школе, хотя влияние вне школы значительно сильнее. Вторая тенденция заключается в том, что сегодня существенно изменились качества, которые нужны человеку для комфортного существования в мире. Поэтому мы видим, что даже в богатых обществах Японии, США у большого количества людей Тибетский синдром: человек зарабатывает какое-то количество денег и уезжает, например, в Тибет. Люди не удовлетворены своим существованием в обществе, они считают себя успешными, но им не комфортно в этом обществе. И, наконец, третья тенденция – это то, что происходит существенное изменение тех интеллектуальных навыков, которые нужны обществу и человеку. Школа формирует по-прежнему те навыки, которые нужны были человеку в индустриальном обществе, грубо говоря, 90% людей должны были работать, делать какую-то одну или несколько связанных между собой операций. Сегодня если в самых развитых обществах применить самые развитые технологии, то всего 5–6% людей могут работать в производстве, чтобы обеспечить всех остальных. Сегодня это даже искусственно притормаживается, потому что возникает социальная задача: куда деть остальных людей. Но я пока не вижу, чтобы педагогическое сообщество достаточно сильно ориентировалось на мир, который сегодня резко изменился. На мой взгляд, важно, что в Законе, о котором сегодня вспоминали несколько раз, удалось отстоять, например, семейное образование, потому что это та ветвь, которая дальше будет расти во всем мире, в целом по России не так быстро, как в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Причем родители идут на любые жертвы, отбиваются, почти отстреливаются, но добиваются того, чтобы их дети не пошли в школу. Итак, я назвал три основные тенденции. И хочу указать на противоречие между теми требованиями, которые объективно предъявляются к системе образования, и колоссальной инерцией самой системы образования. Причем эта инерция может быть описана только матрицей, она далеко не однонаправленная, это инерция и педагогического, и научного сообществ, это инерция устаревших традиций воспитания, родительская и т. д. Это противоречие, как и многие противоречия, устраняемо, но педагогическое сообщество, состоящее из большого количества умнейших людей, не поставило сегодня своей целью его устранение. Редко встречаются статьи, а я больше знаком с англоязычными статьями, где люди это высказывают. Спасибо, я закончил.

Я. С. Турбовской. Спасибо огромное, Анатолий Александрович. Уважаемые коллеги, кто из присутствующих хочет выступить? Любовь Алексеевна? Слово предоставляется Любове Алексеевне Григорович –

доктору психологических наук, профессору, постоянному участнику нашего семинара.

Л. А. Григорович. Спасибо, Яков Семёнович. Предыдущий выступающий сказал очень многое, что хотелось сказать мне. Я абсолютно поддерживаю появление сегодня в практике образования тенденций, о которых говорилось. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что сегодня у нас складывается такой эмоциональный разговор, и высокая степень эмоциональности связана с тем, что очень трудно отделить педагогическую науку от педагогической практики. И мне кажется, что те вопросы, которые возникают и те заблуждения, в которых мы оказываемся, как раз связаны с этим. Ни в какой другой науке нельзя оценить в таком масштабе некоторый практический выход, хотя мне кажется, что не совсем правомерно связывать напрямую педагогическую науку и успешность или неуспешность существования образовательной системы. А что может сделать педагогическая наука? Наверное, она, как и любая другая наука, должна заниматься изучением и внедрением на основе научной рефлексии тех тенденций, которые сегодня существуют. Конечно, наука должна заниматься прогнозированием развития в нашем случае образовательной системы. И эти вопросы в течение этого учебного года на нашем семинаре поднимались. Мы говорили и о прогнозировании в образовании, и о развитии творческих способностей и тех качеств, которые нужны современному человеку, и о том, что нужно педагогической науке и практике сегодня, и об управлении. Яков Семёнович сказал, что сегодня психологи находятся в более успешной позиции в этом смысле, «пропиарились» психологи, как сказал Яков Семёнович, смогли отстоять себя, но еще раз повторю, мне кажется, это связано не с пиаром, не с самопиаром, а с тем, что напрямую связывают достижения педагогической науки с успешностью или неуспешностью образовательной практики. Сегодня, мне кажется, одной из центральных задач является необходимость осмысления педагогической науки. Эта проблема, конечно же, будет решена или не решена. По этой причине не удастся решить очень хорошие задачи, которые мы можем поставить перед современной школой. Дети, рожденные в 1990-е и 2000-е гг., другие. Даже хорошие успешные методы обучения и образования не срабатывают, потому что очень изменилась среда, изменился контекст. Эти люди родились в информационном потоке, они иначе воспринимают информацию. Выделение ключевых приоритетных интеллектуальных умений, принятие этих вызовов из будущего во многом связаны с тем, что не изучена проблема информационной социализации, и, конечно, наука должна ставить, выдвигать приоритетные проблемы научных исследований, которые смогут ответить на многие, очень многие вопросы.

Я. С. Турбовской. Спасибо большое, Любовь Алексеевна. Есть вопросы к Любви Алексеевне? Нет. Кто желает выступить? Ирина Михайловна, Вы хотите взять слово? Ирина Михайловна Осмоловская – доктор педагогических наук, профессор, заведующая нашей замечательной лабораторией дидактики. Пожалуйста, Ирина Михайловна.

И. М. Осмоловская. Проблемы, которые подняла Любовь Алексеевна, напрямую связаны с дидактикой. Я буду говорить о дидактике. Дидактика имеет дело со специальным, сконструированным процессом, процесс обучения не существует сам по себе в природе без человека и без его организации. И получается, что у дидактики объект очень интересный, это объект, который человек сам создает и может его изучать и совершенствовать. Получается, что сам объект расширяется, изменяется, и то, что связано с информационными технологиями, очень важно. Получается, что в современных условиях многие формы не работают. Я занимаюсь проблемой обучения в информационной образовательной среде и изучала школы. Что сейчас происходит в школах? Все информационные технологии используются как хорошее средство обучения. Дальше учителя не идут. Делают презентации, проводят опыты, показанные виртуально, тесты, используют интерактивные доски – все это делает урок более эффективным и можно сказать эффективным (здесь еще надо исследовать и спорить). Но проблема в том, что дети рождаются в информационной среде и в ней развиваются, в ней живут. Эта проблема пока до процесса обучения не дошла. Ни один из учителей не осознает, что надо учить детей учиться в этой среде, то есть самому ставить проблему, отделять информацию истинную от ложной. Хотя дети это тоже понимают. Я спросила детей (мы проводили анкетирование), представляют ли они школу без учителя. Ни один человек не представляет. Они отмечали, что без учителя из школы уйдет душа. Дети понимают, что в школе главное – это учитель. Информационные технологии – это хорошо, но в принципе человек влияет на человека. Для дидактики это очень большой момент, это психологическая, педагогическая основа. Мы говорим о клиповом мышлении, но не представляем, что с ним делать. Как принять его или как от него избавляться? Вот эти проблемы стоят перед дидактикой и пока не решаются. Вторая очень важная проблема – проблема повышения научного статуса дидактики. Мы очень долго спорили, у нас были семинары, у нас был коллега, который говорил, что неустановленный экспериментально факт – это не факт, если экспериментально не установлены связи между явлениями, то закона нет. И сейчас мы все больше склоняемся к тому, что экспериментальная база должна быть. Но появилась другая крайность. Я была на конференции «Тенденции современного образования» в Высшей школе экономики. В своем выступлении Фромин отметил, что у нас должны проводиться эмпири-

ческие исследования, что понятие «эффективная школа» не определяется, что он поставил своей задачей определить, каково влияние школы, что остается в сухом остатке. Далее он сказал, что выявил за десять лет экспериментов следующие результаты: во-первых, школа влияет, во-вторых, влияние школы в разных случаях различно.

Я. С. Турбовской. Спасибо. Теперь мы хотим предоставить слово нашим коллегам, помощникам, соратникам, представителям новосибирской школы философии образования.

А. А. Изгарская. Здравствуйте. Я хочу поблагодарить всех за очень интересную и полезную дискуссию и добавить некоторый момент. Если мы посмотрим на последние двадцать-двадцать пять лет в отечественной педагогике, то отметим, что 1990-е гг. были таким мощным экспериментаторским периодом, когда творчество педагогов, школ и вузов было, так скажем, не пике своего развития, а потом началось то, что Евгений Викторович называет «молчанием». С чем это связано? Этот вопрос, конечно же, необходимо исследовать, изучать, но я бы хотела отметить такой момент: на мой взгляд, спад творчества во многом определяется тем, что современная школа и вуз перестали сотрудничать так, как это было в 1990-е гг., чему способствуют изъяны в нашем законодательстве. Вот Евгений Викторович очень правильно говорил о том, что законодательство изменяется и изменяется в лучшую сторону, появляется идея оплаты труда учителя, соизмеримая со средней по региону. Но положительные, казалось бы, инициативы оказываются положительными далеко не во всем. Так, например, введением средней по региону оплаты труда учителя подрывается связь между вузом и школой. Средняя зарплата учителя состоит из совокупной месячной зарплаты учителей, поделенной на их количество. Получается так, что учителя от безденежья вынуждены брать по полторы, по две ставки нагрузки, и администрация этому активно способствует, чтобы обеспечить требуемую цифру. Однако преподаватели вуза, которые работают в школе, не могут брать большое количество часов, тем самым «портят статистику», и как совместители попадают под увольнение. Могу это подтвердить примером ныне расформированной в соответствии с Федеральным законом 83-ФЗ муниципальной школы № 98 г. Новосибирска. Школа была создана в начале 1990-х гг. при участии Новосибирского государственного педагогического (тогда еще института) и длительное время располагалась на его площадях, пока Российское законодательство не лишило школу такой возможности. Даже после того, как школа оказалась оторванной от вуза территориально, в педагогический коллектив школы входило восемь кандидатов наук, преподавателей педагогического вуза, они не числились, как иногда это бывает, а реально в течение многих лет работали, вели у детей физику, химию, иностранный язык, литературу, рус-

ский язык и историю. Были хорошие результаты, классы были маленькие, из шестнадцати выпускников в 2011 г. в школе было четыре медалиста. Введение перед выборами в Государственную Думу в 2011 г. нормы оплаты труда учителей из расчета средней по региону, а также введение прямой отчетности директоров школ о состоянии дел в их подопечных школах на федеральном сайте активизировало городские и районные отделы образования: необходимо было показывать нужные цифры. Кандидаты наук портили статистику, но для школы они были необходимы. Не буду рассказывать, как мне как директору этой школы удавалось и показывать нужную цифру, и не увольнять кандидатов наук, которые как совместители могли быть легко уволены. Хочу только подчеркнуть, современное российское законодательство не способствует тесному взаимодействию школы и вуза, необходимы меры по дальнейшему совершенствованию и исправлению нашего законодательства. Проблема, о которой я говорила, должна быть решена, для этого необходима политическая инициатива, сам педагогический коллектив ее решить не сможет. Почему? Потому что действует тот же принцип, о котором говорил Евгений Викторович, «плата за молчание». Очень многое, происходящее в современной школе, замалчивается, и механизм средней оплаты труда этому способствует, потому что распределение происходит по принципу «разделяй и властвуй». В результате активные с социальной точки зрения люди оказываются, можно сказать, без достойной зарплаты и гонимы, и не только учителя. Спасибо.

Я. С. Турбовской. Спасибо, Анна Анатольевна. Теперь предоставляю слово человеку, для нас необычному, Оксане Игоревне Долгой, а необычной потому, что ее выступление и рассуждения будут основаны на зарубежном опыте. Пожалуйста, Оксана Игоревна.

О. И. Долгая. Все говорят очень коротко, и я понимаю, что время поджимает, поэтому свое выступление я оставлю на следующий раз, а сегодня я хочу сказать о педобразовании, хотя я к этой теме не готовилась. Я занимаюсь Чехией, но, конечно, знаю, что происходит и в других европейских странах. У нас есть специалисты по США, Англии, Франции, Польши, Чехии.

По поводу педобразования. Вероятно, наш менеджмент, наши управленцы ориентируются на западные стандарты, тенденции. Высшее образование там существует только в университетах, и в документах Евросоюза отражено, принято законодательно, что учителя школ, преподаватели вузов и даже преподаватели и воспитатели детских дошкольных учреждений должны иметь высшее образование. И все они готовятся на базе университетов. То есть педагогических институтов не существует. В той же Чехии в социалистический период был педагогический институт, готовил специалистов для школы. Теперь подготовкой этих специалистов

занимаются университеты: Карлов университет, как самый известный, и др. Подготовка проходит на уровне магистров и бакалавров, существует множество разных программ обучения для подготовки преподавателей по различным направлениям: по физике, математике, географии, истории и т. д. Готовятся преподаватели университетов по программе «История», например, плюс дополнительные программы, 20–25% у них педагогическая подготовка по психологии и дидактике. Подготовка преподавателей дошкольных учреждений осуществляется в том же русле. Помните, у нас шло обсуждение концепции нашего педобразования, и там говорилось, что идет очень мощный откат назад, потому что педагоги и преподаватели должны иметь высшее образование, а у нас ... бакалавриат, это не высшее образование, это незаконченное высшее.

Я. С. Турбовской. Хорошо, большое спасибо, Оксана Игоревна. Уважаемые коллеги, если больше нет желающих выступить, я позволю себе взять слово и высказать свое понимание проблемы. Обратите внимание, уважаемые коллеги. Мы с вами сегодня обсуждаем проблему «Основные тенденции педагогической науки», но при этом никто из нас не определил понятие «тенденция». Мы исходим из того, что понимаем, что это такое. Но выясняется, что это не так. Существует огромное количество определений понятия «тенденция», оно понимается совершенно по-разному, а это означает, что за этими определениями лежит смысловая неодинаковость. Тенденция – это и направление, и потребность, и заказ, и решение, и закон, и все, что угодно. И многослойность, многоопределенность этого определения свидетельствует об очень интересных вещах, которые остаются за пределами научного рефлексивного осмысления. Что мы осмысливаем? Если мы не отвечаем на этот вопрос, то мы, по сути, отказываем педагогической науке во влиянии на то, что происходит. Почему? Потому что если мы тенденцию определяем через другое понятие, требующее расшифровки, то лишаем тенденцию автономного смыслового значения, мы так и не понимаем, что такое тенденция. Потому что если тенденцию определить через направление, то это одно, если через потребности, то это другое, если через заказ, то это третье и т. д. Главная задача – определить, кто должен ответить на этот вопрос? Именно в педагогической науке. Почему? Потому что, оказывается, хотим мы этого или нет, педагогика есть и теория, и практика. Но именно то, о чем говорила Любовь Алексеевна, убивает и теорию, и практику. Мы думаем, что теория – это понятия, а практика – это конкретные объекты бытия. Приводить примеры в качестве доказательства истинности теории – бессмыслица. Потому что это из абсолютно разных сфер влияния. Что такое понятие? Это определение сущностных признаков явления, отношений. А предмет – это то, что имеет индивидуальные особенности, характеристики. Он служит для доказательства позиции, но не

для раскрытия понятия. И когда мы не понимаем сущности самого понятия, мы путаем понятия и примеры из реальной действительности. Оказывается, понятие как отражение бытия само по себе имеет самостоятельное значение. Что это значит? Это значит, что во все времена человек безотносительно к тому, был компьютер, не было компьютера, была техника, не было техники, умел строить свою жизнь, строить свое жилище, определять стороны света и т. п. Отсюда вопрос: что такое тенденция? Тенденция есть явление, сопутствующее любому действию в педагогике. Любому. Проблема состоит в том, что вина педагогики в отстаивании значения только прямого действия, то есть она определяла, что нужно сделать вот это, нужно сделать вот то. Это доказывало обществу актуальность. Но при этом забывается самое главное: не бывает положительного действия без отрицательных действий. Если мы не учитываем, какие отрицательные действия возникнут в результате того, что мы делаем, то мы не понимаем последствий. И это касается не только последних двадцати лет. Любое наше дело нарушало закон, открытый Макаренко. Что это за закон? Это закон параллельного действия. Если мы что-то делаем, то будет обязательно параллельное действие, не всегда совпадающее с этим делом. Поэтому есть позитивные тенденции, и тенденции, борющиеся с этим делом, негативные тенденции, разрушительно влияющие. Если мы не соотносим положительную тенденцию и отрицательные негативные последствия, мы не можем принимать ни одного управленческого решения. А мы именно так и поступаем все время. Проблема состоит в том, что педагогическая наука оказалась не в состоянии раскрыть сложность принятия любого решения. Мы обязаны показать те риски, те внешние отношения, которые можем себе позволить или не можем. И тогда о чем мы говорим? Я хотел сказать, что мы видим нарушения законов логики. Существуют родовые и видовые понятия. Родовые понятия возникают только на основе видовых понятий, нет видового понятия и нет родового понятия. Мы в педагогике позволили себе заниматься по-другому, мы позволили себе пользоваться абстракцией, не зная конкретных форм ее проявления. Мы не знаем ни одной тенденции. Мы не знаем, из чего складываются тенденции на уровне геополитическом, на уровне государственном, на уровне ведомственном, на уровне внутришкольном. Любое педагогическое действие тенденциозно в том смысле, что оно порождает и плюс, и минус. Непонимание этого соотношения минуса и плюса не позволило нам представить в обществе педагогику как науку, с которой нельзя не считаться. Потому что мы тоже исходим из того, что существует прямое действие. Сегодня педагогическая наука призвана в обязательном порядке раскрыть совокупность связей, реализующих разные типы тенденций, производимых одним и тем же действием. Тогда получится, что тенденция

есть раскрытая и осмысленная взаимосвязь явлений, которые несут в себе векторную направленность, могут помочь нам определить, нужно это нам или не нужно. Все двадцать лет нашего перенимания болонского процесса, подушного финансирования и т. д. строились на логике прямого действия. В результате мы попадали впросак, терялась репутация научного знания. Перенос болонского процесса к чему привел? Когда в документах болонского соглашения черным по белому написано, что каждая страна решает этот вопрос, исходя из своей культуры, мы позволили себе игнорировать свою культуру, мы решили, что должны выполнять исполнительские функции, а не творческие. К чему я веду? Я написал большую статью, которая будет опубликована, где я пытаюсь объяснить, что тенденции – это закономерное порождение любого действия, учителя, законодателя, кого угодно. При этом мы должны просчитывать соотношение прямых и побочных воздействий. Если мы не учитываем этого, то тенденция разрушается, Евгений Викторович, если педагогика не внесет своего голоса и не расскажет каким образом, на каком уровне может и должно осуществляться решение директора школы, учителя. В своей книге «Педагогическая аксиоматика» я заявляю, что мы должны перейти от вопроса «что делать?» к вопросу «что мы можем сделать, что мы можем позволить себе сделать?». Когда мы принимаем любой документ в образовании, мы должны понимать, что он будет действовать десять, пятнадцать лет. Принцип здесь и сейчас в образовании вреден. Поэтому сегодня звучит критика в адрес наших руководителей, очень важно для них отчитаться за сделанное, не понимая, каким образом оно будет делаться, к чему оно может привести. И вот вопрос о тенденциях, который мы поднимаем сегодня, позволит нам вновь поднять голос за то, чтобы педагогическая наука отвечала системно, какие тенденции, возможно, порождаются учителем, какие тенденции порождаются школой, какие тенденции на муниципальном уровне и какие на геополитическом. Мы сейчас находимся в ситуации, когда конкурентоспособность определяет основную цель бытия отечественного образования. А что обеспечивает конкурентоспособность выпускника отечественной школы? Нам надо, чтобы мир заговорил по-русски, нам надо, чтобы идеи звучали и на русском языке, нам надо, чтобы мы оказывали влияние на науку системно, нам надо, чтобы мы по-настоящему понимали, что мы не сырьевой придаток мира, а основа его фундаментального развития. Отсюда возникают огромные перспективные исторически необходимые задачи. Кто мы в условиях глобализации? Каким образом педагогическая наука могла бы обеспечить конкурентоспособность отечественного образования? Спасибо за внимание.

Е. В. Ткаченко. Я с удовольствием Вас послушал. Все, что Вы сказали, правильно. Но проблема в том, что все, что мы сказали, остается в нашем

узком кругу интересов. Сегодня важно не обсуждение общей значимости понятия «тенденция», что само по себе важно, а обсуждение судьбы педагогического образования, иначе через некоторое время не с кем будет обсуждать.

Я. С. Турбовской. Вы совершенно правы, но все напрямую зависит от того, как мы определяем слово «тенденция». В этом-то все дело. Наука основана на понятиях, а не на конкретных примерах. Наука изначально выражает сущностные характеристики бытия. Изначально.

Е. В. Ткаченко. Реальная сущность сегодняшнего нашего состояния заключается в том, что в ряде учебных заведений Москвы требуют закрыть слово «наука». Идет не только сокращение педвузов, но и педколледжи уже не нужны, педучилища. Это что? Это что, правильная тенденция? Мы должны влиять на тех, кто принимает решения, а не обсуждать слово «тенденция».

Я. С. Турбовской. С этим нельзя не согласиться. Но дело в том и заключается, что нам было неизвестно слово «тенденция», с наукой никто не считается, потому что она несостоятельна в общественном сознании. Никому не придет в голову с физиками не считаться. Физика ...

Е. В. Ткаченко. И с физиками не считаются. Задачи сейчас у нас какие? Во-первых, защищать, а во-вторых, предлагать какие-то решения проблемы, понимая, что в нашей собственной среде нет единого мнения.

Я. С. Турбовской. Ну так это же потому, что у нас нет понятий, а не потому, что мы договориться не можем. Мы не можем договориться с Вами, потому что исходим из разного понимания явления. Вы правильно сказали, нам надо обращаться к обществу, общественному сознанию, научному осмыслению, надо формировать научную среду, способную стать состоятельной.

*канд. филос. наук Изгарская Анна Анатольевна,
канд. филос. наук Пугачёв Александр Викторович,
д-р филос. наук Наливайко Нина Васильевна*